

Научная статья

УДК 93/94(47)

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.16

Форпосты Оренбургской пограничной линии

Павел Анатольевич Стромов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Областной центр дополнительного образования детей, Челябинск, Россия, str117@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9964-0686>

Аннотация. В статье представлены отдельные материалы по истории Оренбургской пограничной линии, отражающие период ее существования и развития во второй половине XVIII в. и посвященные оборудованию линии дополнительными укрепленными сооружениями — форпостами. Разбираются причины основания форпостов, их состав, топонимика, конструкция и особенности несения службы гарнизоном. Данные укрепленные пункты — почти единственные и самые многочисленные материальные источники, отражающие драматичную историю Оренбургского края. Эти объекты имели большое значение для обеспечения обороноспособности и устойчивости края в XVIII—XIX вв.

Ключевые слова: Южное Зауралье, Оренбургская пограничная линия XVIII века, фортификация, редут, форпост.

Для цитирования: Стромов П. А. Форпосты Оренбургской пограничной линии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 2 (50). С. 272—291. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/50/16_50_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.16.

Original article

Outposts of the Orenburg borderline

Pavel A. Stromov

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Regional Center for Additional Education of Children, Chelyabinsk, Russia, str117@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9964-0686>

Abstract. The article features some materials on the history of the Orenburg borderline showing its development in the second half of the 18th century. These materials provide information on fortifying the borderline with outposts. The causes for establishing outposts, their construction, composition and toponymy as well as garrison service are considered. These fortified constructions are unique and present the most numerous material sources reflecting the dramatic history of the Orenburg region. These facilities were essential to ensure defense and sustainability of these territories in the 18th—19th centuries.

Keywords: Southern Trans-Urals, Orenburg borderline of the 18th century, fortification, redoubt, outpost.

For citation: Stromov P. A. Outposts of the Orenburg borderline. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 2 (50), pp. 272—291. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.16>.

Введение

В XVIII—XIX вв. на территории современных Атырауской, Западно-Казахстанской и Костанайской областей Республики Казахстан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областей, а также Республики Башкортостан возникла целая система фортификационных сооружений — Оренбургская пограничная линия, устроенная вдоль естествен-

© Стромов П. А., 2024

ных препятствий — рек. До наших дней сохранились многочисленные руинизированные остатки деревянно-земляных укреплений — форпостов, находящиеся сейчас в разной степени сохранности, а также руины Императорского, Константиновского укреплений и пикетов Новой линии. В настоящее время это те немногие материальные (археологические) источники информации, которые свидетельствуют об одном из самых драматичных периодов истории освоения юго-восточных рубежей Российской империи.

Отдельные вопросы фортификационного обустройства Оренбургского края рассматривали почти все исследователи этого региона. Для исследований дореволюционного периода характерен описательный формат повествования в контексте проводимой государственной политики по освоению новых территорий. Петр Иванович Рычков в своих масштабных трудах по истории и географии Оренбургского края [31; 32] раскрывает ключевые этапы становления укрепленной линии. Тому, как линия прошла проверку на прочность в ходе реального военного конфликта, посвящено описание П. И. Рычковым осады города-крепости Оренбурга в 1773—1774 гг. [6].

В то же время вопросам оснащения Оренбургской линии именно форпостами, особенностям службы на них, конструкции этих сооружений уделено недостаточное внимание. Фундаментальный труд по истории Оренбургского казачьего войска войскового старшины Ф. М. Старикова содержит существенные подробности в описании фортификационных сооружений на Оренбургской линии и особенностей службы казаков на линейных форпостах [36].

Многотомный труд по истории Оренбургского казачьего войска, изданный в начале XX века, изобилует сведениями о различных аспектах функционирования Оренбургской линии, в том числе о драматичных событиях, происходивших на форпостах [14].

Самым обширным дореволюционным исследованием в области истории российской фортификации, в том числе и Оренбургской линии, является фундаментальный труд инженер-генерал-лейтенанта Ф. Ф. Ласковского. Автор на профессиональном уровне изложил теоретические основы фортификации с конкретными примерами по их воплощению, однако конструктивные особенности оренбургских форпостов остались за рамками этого научного труда. В то же время в этом исследовании представлены описание и чертежи форпостов, расположенных на Сибирских линиях [12].

С 1957 по 1982 г. учащиеся школы № 3 г. Новоорска Оренбургской области под руководством краеведа Г. И. Русова тщательно изучили историю Новой Оренбургской линии и выявили на местности большое количество ее фортификационных сооружений — пикетов [30].

Южноуральский исследователь В. А. Кузнецов в своей работе по истории оренбургского казачества систематизирует информацию о порядке несения службы на укреплениях, об организации и особенностях функционирования линейной обороны в крае [10].

В статье А. В. Фомичева подробно излагаются материалы обследования Императорского укрепления и прилегающих к нему опорных редутов и пикетов, составляющих правое крыло Новой Оренбургской линии [43].

В. С. Кобзов в своих исследованиях отмечает взаимосвязь процессов государственного строительства и охраны пограничных рубежей в Оренбургском крае с опытом строительства и использования в XVII в. Белгородской черты [8]. Также им опубликована статья, посвященная вкладу Оренбургского казачьего войска в создание и развитие укрепленных поселений Новой пограничной линии [7].

Анализ значения появления укрепленных населенных пунктов Оренбургской линии и отдельных городов-крепостей на территории Юго-Востока России, в частности современной Республики Башкортостан, обширно представлен в многочисленных публикаци-

ях Р. Г. Букановой из г. Уфы. При этом изучение особенностей Оренбургской укрепленной линии представляется ей предметом отдельного исследования [1].

Масштабными научными трудами, посвященными разбору истории начального этапа освоения Оренбургского края от проекта И. К. Кирилова до периода руководства Оренбургской губернией И. И. Неплюевым, стали монографии самарского ученого Ю. Н. Смирнова [34] и оренбургского исследователя Д. А. Сафонова [33]. В этих научных трудах авторы тщательно анализируют вклад руководителей Оренбургского проекта на основе обширного историографического и архивного материала. Каждый из авторов с разной степенью критичности рассматривает деятельность Оренбургской экспедиции в соответствии с общепринятыми форматами организации государственной работы в схожих внутривластных и географических условиях.

Начальному периоду строительства крепостей Оренбургской линии посвящено исследование В. Я. Мауля. Автор особо подчеркивает значение масштабного строительства фортификационных сооружений для решения задач Оренбургской экспедиции и освоения территории одноименной губернии. В то же время в ней не в полной мере отражена оценка состояния укреплений Оренбургской линии [15].

В работе А. М. Тюрина представлено описание местоположения и основных характеристик оренбургских форпостов на реке Бердянке [42]. Результаты архивных и полевых исследований нашли отражение в нашей совместной с Н. В. Коршуновой публикации, посвященной особенностям фортификационных сооружений Уйской пограничной линии XVIII—XIX вв. [9].

В 2005 г. вышло из печати масштабное исследование самарского ученого Э. Л. Дубмана о Новой Закамской линии. Автор раскрывает многие аспекты деятельности по возведению регулярных долговременных фортификационных сооружений в Закамье, которые сооружались военными инженерами с привлечением на возмездной основе значительных людских ресурсов. Возможно, что опыт такого масштабного и дорогостоящего строительства отчасти повлиял на решения, принимаемые по Оренбургской линии [5].

В серии статей тобольского исследователя С. Р. Муратовой приведены сравнительные характеристики Иртышской линии, являющейся частью Сибирской линии, и Уйской линии, а также указывается на влияние опыта сооружения сибирских крепостей на оренбургскую фортификацию, но не подтверждается конкретными примерами. В других работах этого автора, посвященных укрепленным линиям, делаются попытки применить концепцию «линейного фронта» для раскрытия значения Оренбургской и Сибирской линий в деятельности по интеграции юго-восточных территорий в российскую государственность и в распространении российского влияния на другие государства Средней Азии. Исследования С. Р. Муратовой затрагивают и такие аспекты «линейной проблемы», как сочетание западноевропейской военно-инженерной традиции с элементами отечественной школы военного зодчества при строительстве укреплений в Оренбуржье и Сибири [16—18].

Работы Д. С. Шемелиной, вышедшие в 2014—2021 гг., позволяют разобраться в особенностях конструкций только крупных фортификационных сооружений исследуемого периода на Сибирских пограничных линиях [44—48].

В ходе работы в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота нами обнаружен «Атлас планов форпостов и укреплений юга Тобольской губернии. Книга форпостам по рекам Тоболу и Иртышу» [21].

Отсутствие полноценной информации об истории оренбургских форпостов, их устройстве, количестве, конструктивных особенностях и значении за более чем вековой период становления и развития российской государственности на Юго-Востоке России

в целом и на Южном Урале в частности подтверждает необходимость изучения данной темы.

Цель исследования состоит в установлении причин, времени появления и особенностей конструкции форпостов как фортификационных сооружений в структуре обороны Оренбургского края. Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: установить и проанализировать административные решения, которые привели к строительству этих объектов; выявить особенности строительства, функционирования и развития форпостов; реконструировать внешний вид и конструктивные особенности форпостов; описать и проанализировать конструкции этих сооружений.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XVIII века. Именно тогда оренбургские власти оснастили линию форпостами, чем обеспечили максимально возможный формат прикрытия границы со степью.

Исследование потребовало привлечения широкого диапазона источников различного происхождения. Их основу составили опубликованные и неопубликованные материалы, позволяющие проследить историю появления, состояние и этапы развития форпостов Оренбургской линии, их роль в освоении Оренбургского края. Подавляющая часть сведений обнаружена в неопубликованных источниках, хранящихся в фондах трех федеральных и двух региональных архивов: Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ), Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО), а также в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) и отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ).

Источниковую базу дополнили издания, опубликованные во время исследуемого периода: учебник по фортификации [39] и военно-инженерный справочник [29].

К группе материальных (археологических) источников нами отнесены результаты археологических разведок 2012—2019 гг. под руководством Г. Х. Самигулова и А. М. Сляднева по выявлению руинированных остатков фортификационных сооружений Оренбургской линии, на основе которых семь форпостов поставлены на государственную охрану в качестве выявленных объектов культурного наследия регионального значения [9]. Омскими археологами из музея-заповедника «Старина Сибирская» под руководством Ф. С. Татаурова с нашим участием в 2022 г. проведено исследование Ирчинского форпоста на бывшей Иртышской линии [38].

В работе нами использовались принятые в исторической науке методы исследования. Так, свойства и изменения форпостов Оренбургской линии в указанных выше хронологических рамках позволил проследить историко-генетический метод. В основу детальной классификации и сравнения изучаемых фортификационных сооружений Оренбургской линии с инженерными оборонительными объектами исследуемого периода положен историко-типологический метод. Для выявления вещественных источников использовался дистанционный метод изучения объектов на земной поверхности через их распознавание и установление взаимосвязей по аэрофотоснимкам.

Результаты исследования

Общеизвестно, что именным Указом 1739 г. руководителю Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту князю В. А. Урусову была поставлена задача соорудить по рекам Яику (Уралу) и Ую крепости и редуты для постоянного (круглогодичного) проживания там военных команд и обывателей [20]. В полной мере продолжил выполнять эту задачу первый губернатор Оренбургского края И. И. Неплюев, и он с ней относительно успешно

справился. В то же время ситуация на Оренбургской укрепленной линии с взаимоотношениями между киргиз-кайсаками, калмыками, башкирами и яицкими казаками продолжала оставаться тревожной. Переходы и набеги с обеих сторон Яика на противоположную сторону случались довольно часто. Хотя крепости и редуты стояли, и круглый год в них находились регулярные команды, усиленные казаками, тем не менее между этими опорными пунктами существовали весьма протяженные территории, держать которые под постоянным контролем имеющимися силами даже конных регулярных подразделений не представлялось возможным.

Время заведения форпостов относится к периоду руководства Оренбургской губернией И. И. Неплюевым, а именно 1757—1758 гг. На эти годы прямо указывает его преемник генерал-майор Афанасий Романович Давыдов в своем рапорте Правительствующему Сенату от 4 ноября 1759 г.: *«Понеже в прошедших, то есть в 1757-м и в 1758-м годах, учрежденные по Яицкой и Уйской линиям прибавочные в летние времена форпосты спущены были по состоянию здешних о заграничных делах известий октября 16 числа, а ныне по имеющимся здесь ведомостям принуждено оные учрежденные форпосты при тех местах удерживать»* [25, л. 1]. Позитивный результат нововведения, безусловно, существовал, о чем в том же рапорте А. Р. Давыдов и указывает: *«...только поныне при помощи Божией здесь обстоит все благополучно, и никаких злодейств от них киргисцов не причинено, а более как видно удерживаются те их дерзости оными учрежденными форпосты»* [25, л. 1 об.]. На решение основать по Оренбургской линии форпосты также повлияло и то обстоятельство, что имеющиеся в крепостях драгунские части переводились в центральные районы империи.

Стабильность обстановки на Оренбургской линии в разгар летнего полевого сезона подчеркивают и первоустроители края генерал-майор Алексей Тевкелев и коллежский советник Петр Рычков в рапорте Правительствующему Сенату от 1 июля 1758 г.: *«В протчем же здесь так и по пограничности здешней благостью Божескою обстоит все спокойно, о чем правительствующему Сенату чрез сие нижайшие доносим»* [26, л. 17].

А. Р. Давыдов в своей переписке с Сенатом, ссылаясь на недостаточность средств для приобретения лошадиного корма и на спокойствие на Оренбургской линии во взаимоотношениях с киргиз-кайсаками, просит: *«...объявленные прибавочные по Яицкой и Уйской линиям фарпосты, если дальней опасности по заграничным обращениям состоять не будет, распустить, дабы напрасно казенного расхода в содержании оных фарпостов не происходило»* [25, л. 4—4 об.].

Переписка с Сенатом и Военной коллегией по этому вопросу проходила в ноябре-декабре 1759 г. Сенат утвердил предложение А. Р. Давыдова [25, л. 6], но уже в начале 1760 г. произошел крупный пограничный инцидент, в который оказались втянутыми яицкие казаки, киргиз-кайсаки и калмыки. Киргиз-кайсацкие старшины объявили, что калмыки украли у них и перегнали за Яик 40 тысяч лошадей. Старшины просили оренбургские власти вмешаться, угрожая собрать войско и, перейдя Яик, двинуться на калмыцкие поселения. Видимо, для острастки русской администрации в плен были угнаны несколько десятков яицких казаков, их жены, дети, один солдат и лошади. Обо всем этом был уведомлен Сенат [24, л. 6—9 об.]. Реакция Петербурга на это, а также на многочисленные жалобы от киргизской и калмыцкой знати выразилась в издании особого Указа Правительствующего Сената от 23 мая 1760 г.: *«о имени от киргиз-кайсак во всех здешних местах наивсегдашней и крепкой предосторожности с наблюдением при том дабы им киргизцам с здешней стороны отнюдь никакого к задору поводу подано не было»* [24, л. 11]. По этому поводу от А. Р. Давыдова требовалось принятие необходимых и

исчерпывающих мер. Решение этой проблемы Афанасий Романович усматривал в следующем: «...в нынешнее лето учреждены от меня по линии форпосты, и на каком расстоянии один от другого, и в каком числе людей, и что им предостерегать велено, о том при сем моем покорнейшем прилагаю табель и план» [24, л. 11—11 об.].

Данный документ с грифом «секретно» на шести листах, исписанный мелким почерком, датирован 20 июня 1760 г., содержит подробнейшее описание каждого объекта, его предназначение, штатное расписание, расчет личного состава и вооружения. К этому плану оренбургского губернатора геодезии подпоручик Иван Красильников специально разработал карту Оренбургской линии (рис. 1) с подробным указанием месторасположения каждого форпоста и его точным наименованием [27].

В рапорте А. Р. Давыдова относительно конструкции первоначальных форпостов указано: «...а буде опасность настоять будет, то всех лошадей кои за расходом останутся, к ночи в лагерь пригонять и внутри надолоб на корму содержать и кошеною травую кормить, и фарпостные лагеря и заставы надолобами обнести» [24, л. 16]. Из этого следует, что первоначально форпосты представляли собой лагерь или заставу, не имеющую никаких укреплений. Если маяки не предназначались для проживания в них, то в учрежденных форпостах их командам обеспечивалась возможность находиться там круглосуточно с мая по ноябрь. С учетом того, что первоначально гарнизон форпостов состоял из регулярных и иррегулярных чинов в количестве не менее десятка человек, то можно предположить, что для их размещения необходимо было иметь одно-два деревянных строения. И только по распоряжению А. Р. Давыдова форпосты обносят такой фортификационной конструкцией, как надолбы, т.е. вбитые в землю через определенные промежутки столбы, соединенные между собой горизонтальными бревнами. Земляных конструкций в этот период на форпостах не имелось. Обращает на себя внимание то, что руководящий состав форпостов, как правило, состоял из офицеров регулярных войск, а командирами на редутах назначались младшие чины либо офицеры из казаков. Можно предположить, что это происходило от того, что форпосты содержались только летом, а на зиму их команды возвращались в крепости. Команды же на редутах находились там круглый год. Офицеры регулярных частей, по всей видимости, не хотели проводить долгий зимний период в отдалении от сколько-нибудь оживленных центров гарнизонной жизни.

На «Карте рек Уя и Табола 1784 г.» (рис. 2) упоминается форпост Волковской, опыту практического воссоздания которого посвящена наша статья [37]. Благодаря Табели форпостов Оренбургской губернии, составленной губернатором А. Р. Давыдовым летом 1760 г., нам стало известно, что гарнизон форпоста Волковского включал: регулярных служителей — 19 чел., казаков — 4 чел., башкир — 5 чел. и командира в звании поручика. Итого — 29 человек [24, л. 11]. Просуществовал данный опорный пункт, по всей видимости, до начала 40-х гг. XIX века, когда Старая Оренбургская линия между Орском и редутотом Березовским по рекам Урал и Уй потеряла свое военное значение, а устроенная в степи, в юго-восточном направлении, цепь укреплений образовала Новую Оренбургскую линию в 1835—1837 гг.

В тексте пояснительной записи на «Карте рек Уя и Табола» 1784 г. указано: «Расположенные по реке Ую до Троицкой Крепости Фарпосты содержатся в одно летнее время казаками и башкирцами» [23, л. 53]. Следовательно, от использования регулярных команд для несения службы на форпостах после Пугачевского бунта отказались совсем.

В историческом очерке войскового старшины Ф. М. Старикова о присоединении к России Оренбургского края и участии в этом казачества отмечено: «Между крепостями и редутами на протяжении 1112½ верст от Разсыпной до Звериноголовской по Орен-

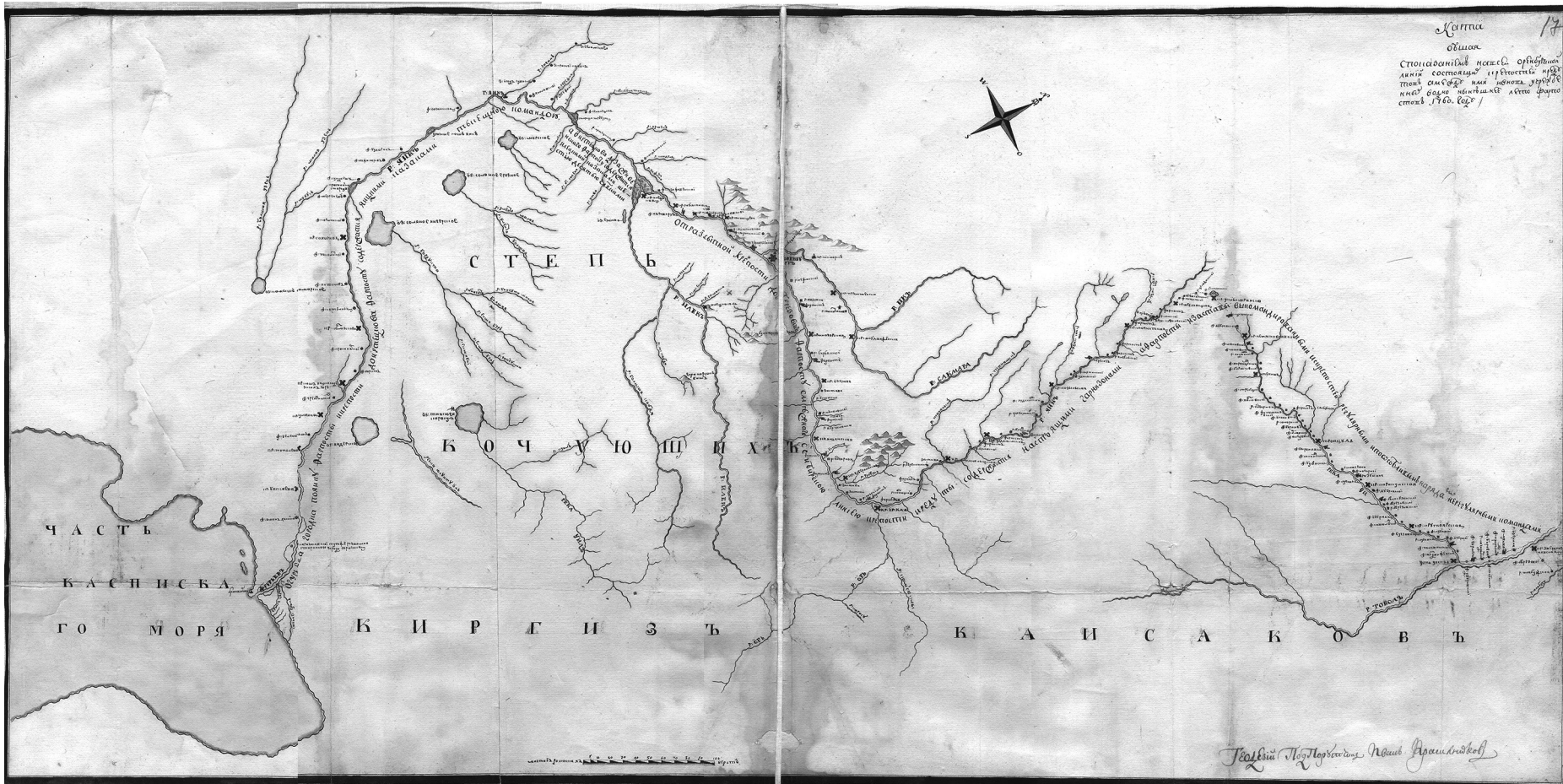

Рис. 1. Карта Оренбургской линии 1760 г. [27]

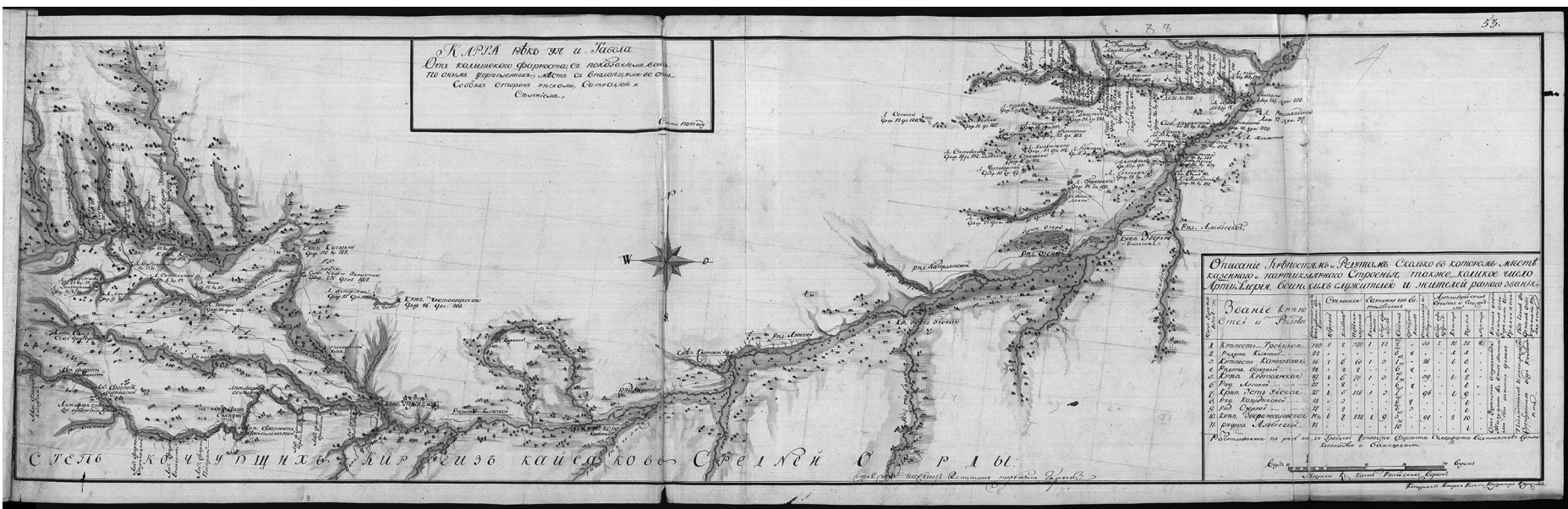

Рис. 2. Карта рек Уя и Тобола 1784 г. [23, л. 53]

бургской (бывшая Яицкая) пограничной линии содержались (в 7—15 верстах один от другого) форпосты, куда ежегодно с 1-го мая по 15-е ноября командировалось от 10 до 80 казаков на каждый, смотря по важности поста; к ним придавалось по одному, а иногда и по два орудия» [35, с. 20—25].

Таким образом, после Пугачевского бунта на усиленных в фортификационном отношении земляными укреплениями форпостах решили разместить еще и артиллерию, тогда как ранее этого вида вооружения там не имелось.

Несение караулов и дозорной службы на форпостах только в летнее время определялось императорским Указом от 1 января 1725 г. [19].

Форпосты основывались в промежутках между крепостями и редутами вблизи мест, где имелись речные броды. При осмотре нами бывшей Оренбургской линии на ее протяжении от Мысовского форпоста близ Петропавловской крепости (пос. Петропавловка Уйского района Челябинской области) до форпоста у пос. Рытвино Троицкого района Челябинской области выявлена отчетливая связь между характером расположения укрепленного наблюдательного пункта и местом на реке Уй, где до настоящего времени имеется используемый брод, т.е. место, наиболее удобное для перехода людей, всадников, повозок через водную артерию. Для установления местонахождения форпостов именно такой методикой нам и приходилось пользоваться, чтобы выйти непосредственно на объект [9, с. 176].

Для более тщательного наблюдения за пограничной территорией на линии дополнительно устраивались еще ведеты и пикеты. Следует отметить, что маяки, ведеты, пикеты и форпосты — это военные объекты Оренбургской линии, которыми она оборудовалась для достижения одной из главных целей своего предназначения — организации системы как можно более раннего оповещения о состоянии пограничных территорий, а также контроля над ними [10, с. 92]. Различия между этими объектами обуславливались особенностями их устройства и предназначением.

Так, маяки служили для передачи сигналов по линии [13, л. 13]. Пикетами (*фр.* piquet) назывались места расположения небольшого военного сторожевого отряда, высылаемого в сторону противника на небольшие расстояния от основных войск [40, с. 256]. Ведетами (*фр.* vedette) называли ближайший к неприятелю конный караул, месторасположение которого также обустроивалось для возможного продолжительного в нем пребывания [3, с. 174]. Форпост (*нем.* Vorposten) — передовая укрепленная позиция [41, с. 552], это не тип фортификационного сооружения, а место расположения военного отряда (объект) для дозорной службы, которое дополнительно оборудовано в инженерном отношении для ведения его обороны. В этом обстоятельстве и заключается принципиальное отличие форпоста от пикета или ведета: в наличии укреплений, которые, в свою очередь, могут быть различными. В то же время основу укреплений форпостов на Оренбургской линии составляло фортификационное сооружение — редут (*фр.* redoute), т.е. сомкнутое укрепление в виде правильного или неправильного многоугольника, усиленное преградами штурму и самостоятельное в смысле обороны [39, с. 45].

Особенности и заведенный порядок несения службы на линии на форпостах и маяках самым подробным образом описаны Я. П. Гавердовским в «Примечаниях о рассмотрении Оренбургского края»: «Между сими не переменяющимися укреплениями находятся и временные, полевые, неприкрытые посты, именуемые форпостом, сей караул учреждаем бывает не всегда, разве только в немалых расстояниях. Сверх сих определенных мест, между каждым таковым назначаются еще половинные отряды, кои, смотря по нужде, переменяются и увеличиваются от ближней крепости редута или форпоста; с коих и сменяют оные чрез все летнее время. Вообще все сии расположения составляют

таковые пункты, на коих основана оборона всей линии и кои назвать можно главными караулами оной. Между сими-то для связи всей линии и бдительного наблюдения протягивается от одного поста к другому цепь, маяками называемая, оные состоят из трех и четырех человек иррегулярных, кои между собою в виду на расстоянии от 2-х до 5-ти верст на возвышениях речного берега в открытых местах составляют караулы, и часовые оных для лучшего обозрения линии становятся на нарочито сделанную из четырех нетолстых столбов наподобие отрезного конуса высоту, от земли в 2-х и 3-х саженьях, на сих-то часовые непрерывно находятся, замечают окрестности мест, вне границы и за оною лежащие, и разъезды с главных караулов от 6-ти до 10-ти человек иррегулярных объезжают сии маяки три раза в день, при сих маяках еще бывают и другие зажигательные, или столп, обверченной сухим сеном и соломою, при подозрении или увидя переход киргизов, зажигают оной, от коего производят сие же и последующие за оным с обеих сторон к главным постам, дабы чрез оное наискорее приготовиться к вспомоществованию и обороне, часовые же с маяков удаляются тогда к своим постам; сверх сих предосторожностей изобретено еще другое, по берегу реки или подле самой черты границы бывают чрез все оной продолжение протянуты симы, сей род употребляемого средства, известного только в сих краях, служит к лучшему замечанию набегов и воровских тайных перелазов. Симы делаются из тонких прутьев ивового и талового лесу, корневой конец онаго утверждается в земле, а верхний, нагнув с концом другого прута, также прикрепляют в землю, сие продолжение нагнутых прутьев в траве составляет не приметную цепь, которая делается различным образом, а иногда и самые сучья растущих кустов, связанных один с другим, и трава составляют цепь сию, разъезды подле самых симов объезжая осматривают исправность оных, ежели же они испорчены, то признак переходу киргизских партий, и потому замечают след куда он шел, и по исследовании онаго чрез зажжение маяка производят поиски. Прежде все маяки чрез всю ночь оставались не снимаемы, даже разъезды и ночью осматривали симы до двух раз, сие употребление, наблюдаемое долгое время и имеющее в себе некоторые неудобства, напоследок уничтожено, ибо нередко киргизцы, будучи искусны в воровстве, прокрадывались чрез линию и, нападая на изнуренные и ослабевшие иррегулярные команды при маяках, иногда снимали оные, грабили оставшихся на полях людей и проезжающих, даже и самые разъезды, утомленные непрерывными объездами и будучи без устройства, изнемогали и были жертвою хищности. Почему и положено, дабы пред захождением солнца от главных постов и половинных караулов на линии в обе стороны объезжали разъезды и осматривали симы, а наполовине встретившись с посланными от ближнего караула и узнав о общественном благополучии линии, возвращались обратно к своему посту, и в сие время снимали бы все маяки; даже проезжие о кроме почты остаются в крепостях и редутах. На рассвете высылаются опять разъезды, оная бдительно снова осматривают границу и становятся маяки, узнав же по возвращении их о благополучии, позволяется дорожным выезжать в свой путь и жителям на работы» [2, л. 6 об. — 8].

Это описание позволяет получить представление о том, какие типы сторожевых объектов располагались на линии: форпосты, половинные отряды, маяки наблюдательные и маяки зажигательные, а также уникальные в своем роде приспособления — симы, характерные только для Оренбургской линии. Причем в описании конструкции наблюдательных маяков Я. П. Гавердовским дается важное уточнение о том, что опорные столбы для наблюдательной площадки вкапывались под углом к земле, а не вертикально, как это представлено в описании подобных сооружений на Сибирской линии в альбоме чертежей Ф. Ф. Ласковского [13, л. 13]. Наблюдательный или сторожевой маяк в связи с этим представлял собой по форме усеченный конус.

В третьей части научного труда по истории фортификации Ф. Ф. Ласковского имеется описание всех пограничных линий Российской империи середины XVIII в. [12]. Однако чертежей форпостов Оренбургской линии в этом исследовании не оказалось. Имелись только изображения форпостов на Сибирской линии. Как выяснилось в дальнейшем, между сибирскими и оренбургскими форпостами имелись существенные конструктивные отличия.

Выявленные нами в ходе археологических разведок руины форпостов имели в своей основе земляное укрепление — редут [9, с. 176—179]. В соответствии с правилами возведения полевых фортификационных сооружений вход в них устраивался с наименее опасной стороны [26, с. 242]. При обследовании этих объектов установлено, что в каждом из них вход устроен с южного или степного направления, со стороны которого жили племена киргиз-кайсаков [9, с. 178]. Получается, что по логике военных инженеров исследуемого периода для этих укреплений большую опасность представляли башкирские племена. Однако вектор опасности в этом регионе в большей степени исходил как раз со стороны киргиз-кайсаков. Объяснить такое расположение входа-выхода форпоста можно лишь необходимостью быстрого выхода гарнизона за его пределы в ту сторону, куда реагировать необходимо было чаще всего.

Археолог И. В. Ульянов, проводивший археологические исследования форпоста Волковской у пос. Черноречье Троицкого района Челябинской области, рассказал о двух ключевых особенностях конструкции форпоста. В центре площадки, ограниченной оборонительным валом, обнаружены остатки венцов деревянного сруба, установленных прямо на землю. У основания внутренней стенки оборонительного вала имелись следы деревянных столбов диаметром 10—15 см, вертикально вкопанных через равные промежутки по всему периметру форпоста. Также в ходе раскопок в северо-западном углу сруба найдено несколько плоских камней со следами копоти. Эти камни могли быть частью конструкции печи. Такое расположение печи соответствует северорусской традиции и розе преобладающих ветров в данной местности [11, с. 16].

В РГАВМФ нами обнаружены документы, обеспечившие возможность разобраться в конструкции форпоста Волковской, которую он получил после событий Пугачевского бунта. На «*Плане каким образом на Нижней и Верхней Уйской линии и на Верхоуральской дистанции 13 главных форпостов построить. Проектирование учинено при Оренбургской инженерной команде Генваря 8 дня 1776 г.*» [22, л. 35] мы можем увидеть квадратное в плане сооружение размером 90 метров по внешнему краю рва, с гласисом¹ высотой 1 м 80 см, сооруженным внутри укрепления и служащим одновременно бруствером, и такой же глубины ров. Гласис подкреплен полуметровым банкетом, а в центре сооружения показана землянка (рис. 3).

Если сравнить профиль форпоста на рисунке 3 и профиль форпоста Волковской, исследованного археологом И. В. Ульяновым в 2010 г. у пос. Черноречье (рис. 4), то можно увидеть, что в целом между ними много общего. Глубина рва форпоста Волковской только на 30 см меньше проектной, и размеры самого сооружения также уступают проектным, составляя 22 против 90 метров.

А если принять во внимание, что на «*Карте Верхней и Нижней Уйской линии от Алабужского до Ангельского редута, с показанием вновь полагаемых крепостей, редутов и форпостов, кои означены нижеследующими буквами: А Крепости, В Редуты, С Главные форпосты, D Малые форпосты*» (рис. 5) имеется деление форпостов на «главные» и

¹ Гласис — треугольная, отлогая к полю насыпь, возводимая с внешней стороны от рва с целью обеспечения возможности обороняющимся поражать выстрелами неприятеля. Высота гласиса меньше высоты оборонительного вала с разницей не менее 1,5 м [39, с. 16; 29, с. 64].

«малые» [22, л. 2], то, опираясь на сведения археолога И. В. Ульянова, можно предположить, что форпост Волковской относился к категории «Малый форпост».

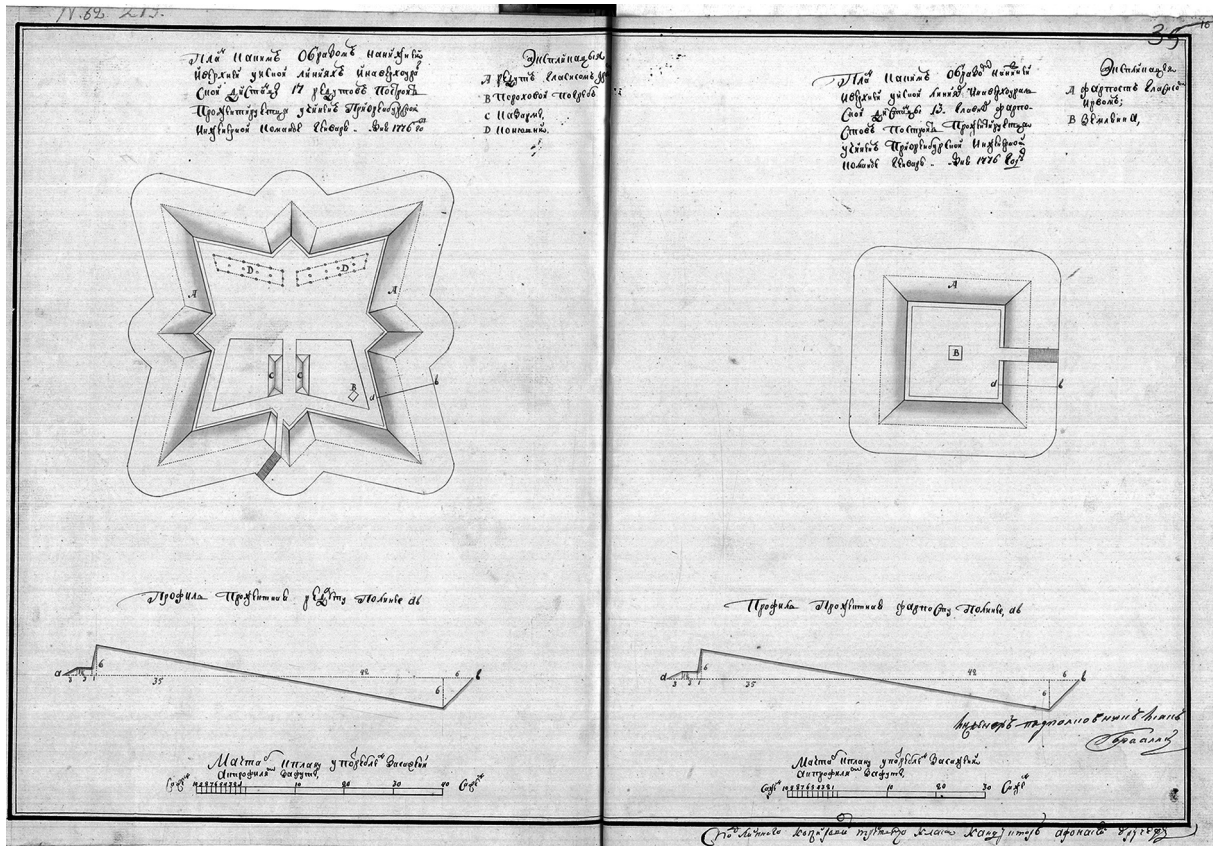

Рис. 3. Типовой проект редута и форпоста для Уйской линии. 1776 г. [22 л. 34 об. — 35]

Рис. 4. Профиль рва из раскопа форпоста Волковской. Фото И. В. Ульянова, 2010 г.

Следует также отметить, что на этой карте отмечается определенная закономерность в расположении главных и малых форпостов: в промежутках между редутом и крепостью размещалось по три таких объекта, причем главный форпост находился посередине участка, а его фланги прикрывали малые форпосты. Такая закономерность прослеживается от крепости Звериноголовской до редута Подгорного, т.е. в той части линии, которая в фортификационном отношении наиболее упорядочена.

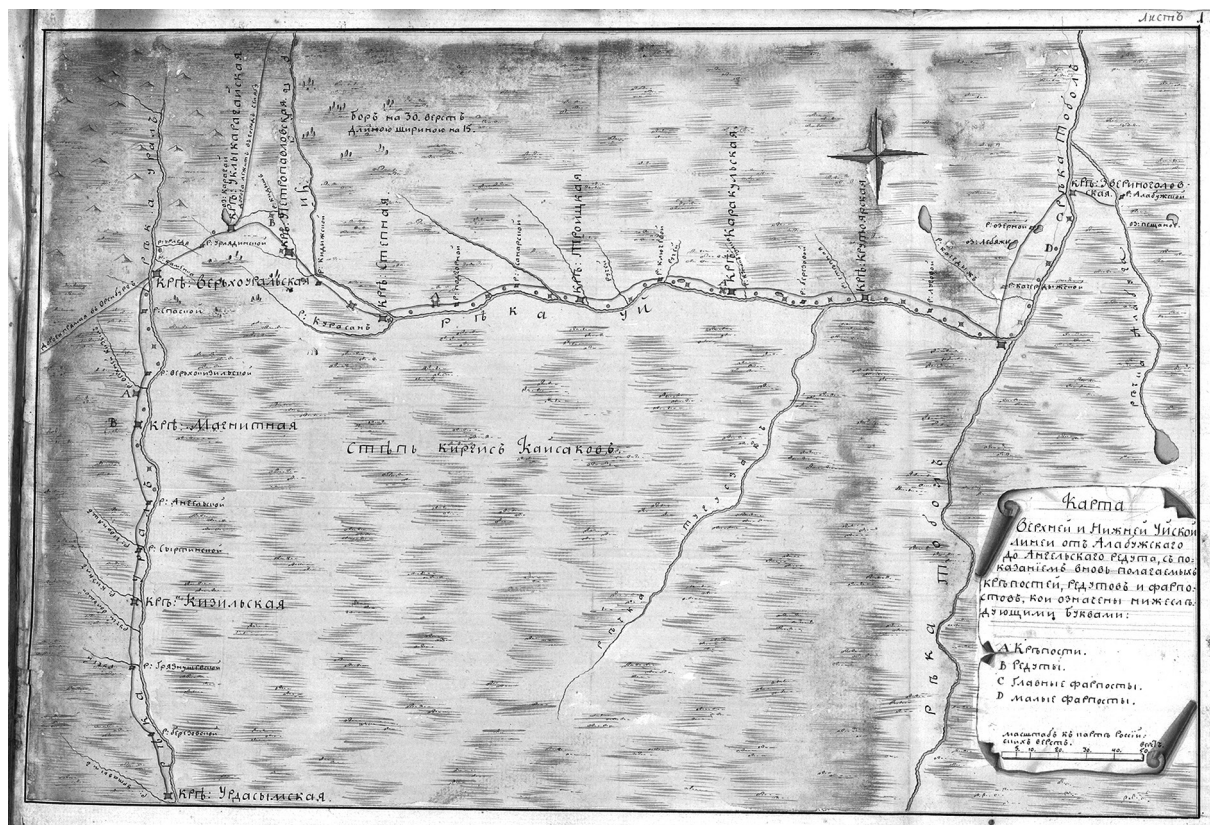

Рис. 5. Карта Верхней и Нижней Уйской линии 1776 г. [22, л. 2]

Стандартный профиль рва полевого укрепления представляет собой вид неправильной трапеции с эскарпом и контрэскарпом, имеющими разные углы наклона к линии горизонта. Плоскость рва, которая примыкает к внешней стороне — контрэскарп, имеет угол наклона более крутой, чем плоскость-эскарп, примыкающая к оборонительному валу укрепления. Это делается намеренно, чтобы затруднить неприятелю преодоление данного вида препятствия и обеспечить прочность конструкции внутренней кромки рва, находящейся под воздействием массы оборонительного вала [39, с. 8]. Треугольный профиль рва и гласисообразный вал на плане главного форпоста (рис. 3) не представляют собой сколько-нибудь серьезного препятствия на пути противника, так как имеют в профиле сильно покатую крутость эскарпа. Поэтому в реальности конструкцию форпоста требовалось усилить хотя бы одной линией рогаток, которые являлись непременным атрибутом устройства форпостов, к примеру, на Иртышской дистанции Сибирской линии (рис. 6).

Конструкция главного форпоста на Уйской линии XVIII—XIX вв. с гласисообразным профилем вала и треугольным профилем рва обусловлена, скорее всего, не только созданием возможности вести сколько-нибудь устойчивую оборону, а являлась неким фортификационным маркером, представляя собой, по сути, просто опорную точку в системе обороны и оповещения на линии.

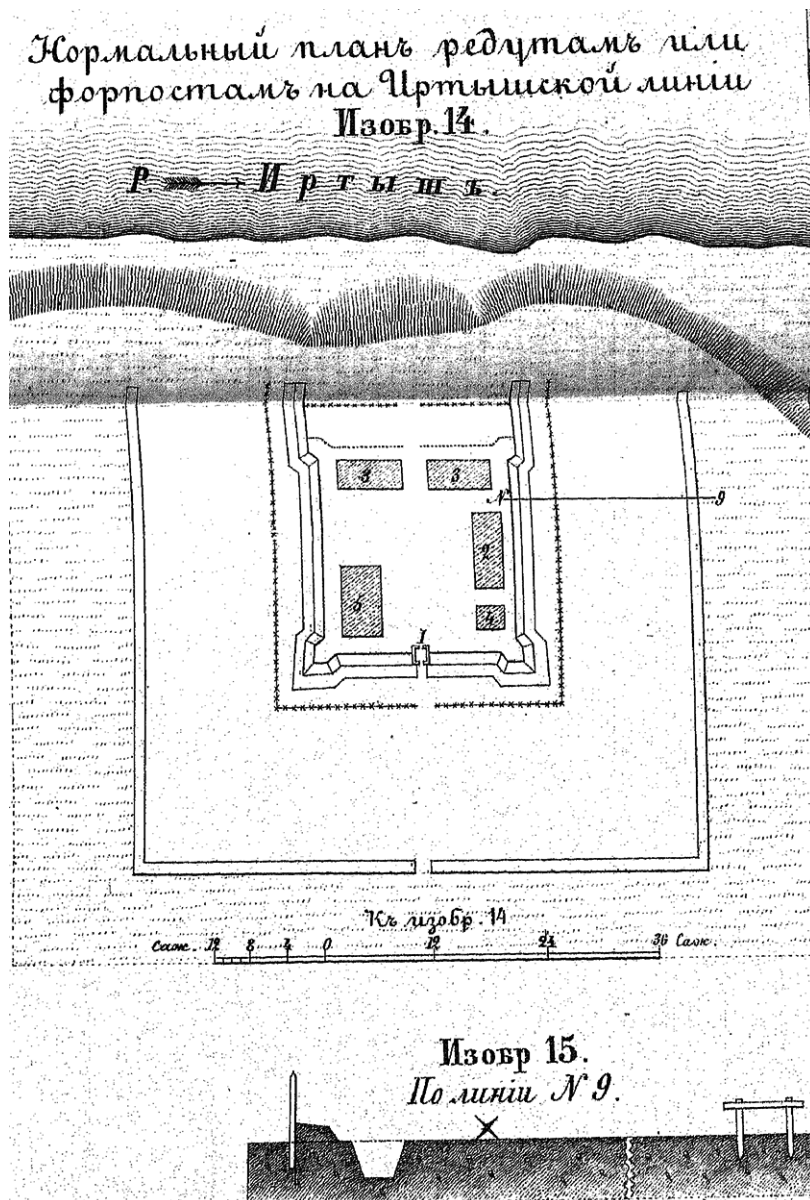

Рис. 6. Типовой план форпоста на Сибирской линии [13, л. 12]

Следует обратить внимание на то, что при археологическом исследовании форпоста у пос. Черноречье И. В. Ульяновым вдоль внутреннего края оборонительного вала зафиксированы остатки деревянных столбов диаметром 10—15 см. Предполагается, что это могли быть следы оборонительного заплота, который представляет собой череду вертикально вкопанных вдоль внутренней поверхности оборонительного вала по всему периметру полевого укрепления столбов, соединенных между собой горизонтально лежащими друг на друге бревнами. В этих бревнах прорубались бойницы. Однако такой мощный конструктивный элемент, как заплот, мог иметь место на Сибирских форпостах, размеры которых по внешнему краю рва составляли не менее 50 м. Размеры же форпостов на Оренбургской линии, согласно статистике выявленных подобных сооружений, составляли максимум 35 м. Установка бревенчатых заплотов представляется маловероятной. А вот сооружение так называемых плетней, опорами для которых могли быть деревянные столбы диаметром 10—15 см, может быть вполне реальным. Тем более что на Оренбургской линии многие объекты, в том числе даже крепости, обносились плетнями, к примеру, Кулагина крепость [23, л. 9]. Это фортификационное сооружение на Нижней

Уральской дистанции Оренбургской линии по всему периметру оборудована плетнем (рис. 7).

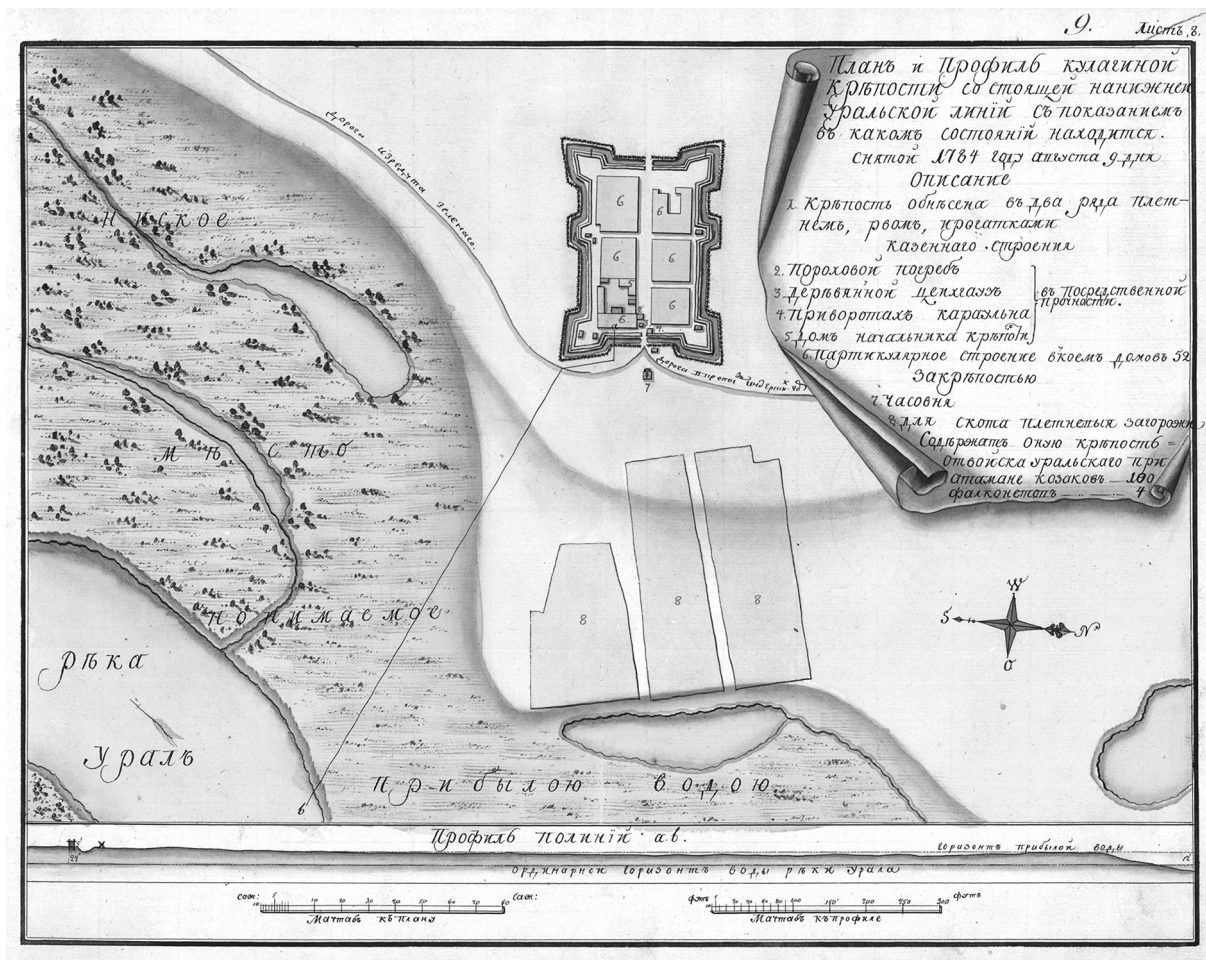

Рис. 7. План Кулагиной крепости 1784 г. [23, л. 9]

Конструкции из плетня являлись характерной особенностью для значительной части крепостей и редутов на Нижней дистанции Оренбургской линии в зоне ответственности Уральского и Илецкого казачьих войск. Поэтому мы имеем полное право принять за основу для внесения изменений в проект воссоздания форпоста такой элемент его устройства, как плетень.

Заключение

Поскольку форпосты на сегодняшний день являются почти единственными сохранившимися материальными (археологическими) источниками информации об истории Оренбургской пограничной линии XVIII—XIX вв., необходимость получения максимально полных и достоверных сведений о значении их для обеспечения линейной обороны края достаточно очевидна. Совокупность письменных и археологических источников, полученных нами в ходе проведенного исследования, и практического опыта по археологическому исследованию и воссозданию данного типа фортификационных сооружений позволяет заключить, что для изучения форпостов проделана большая работа. Она не теряет своей актуальности по причине необходимости проведения археологических исследований с целью уточнения конструкции форпостов, а также продолжения работы, связанной с выявлением руинизированных остатков на местности и последующей постановкой их на государственную охрану. В связи с этим показателен практический опыт сотрудников лаборатории историко-культурных экспертиз Омского научного цен-

тра Сибирского отделения РАН М. А. Корусенко, Ю. В. Герасимова, К. А. Дегтярева по изучению руинированных остатков форпостов Тарской дистанции Сибирской линии [4]. Созданная их усилиями историко-просветительская геоинформационная система «Сибирские оборонительные линии XVIII в.» содержит уникальные материалы по истории, особенностям конструкции и современному состоянию объектов фортификации укрепленных линий. Можно отметить, что главными отличиями конструкции сибирских форпостов от форпостов на Оренбургской линии являются: наличие псевдобастионных конструкций по углам сооружений, более значительные размеры, а также предназначение их для круглогодичного проживания и несения службы.

В ходе исследования нами установлено, что форпосты на Оренбургской линии — это укрепленные наблюдательные пункты, предназначенные для круглосуточного проживания в них гарнизона в летний период (с мая по ноябрь). Появление этих объектов на линии было обусловлено протяженными расстояниями между крепостями и редутами, которые почти не контролировались на предмет возможного перехода рек Яик (Урал) и Уй киргиз-кайсаками (казахами). Также форпосты обеспечивали более устойчивую и безопасную логистику вдоль линии в летний период. Располагались эти объекты вдоль естественных препятствий, в случае с Оренбургской линией — это русла рек.

Впервые решение по оборудованию линии форпостами принял в 1757—1758 гг. оренбургский губернатор И. И. Неплюев, а свое развитие и дальнейшее оснащение они получили уже при следующем губернаторе А. Р. Давыдове по причине нестабильности во взаимоотношениях между киргиз-кайсаками (казахами), калмыками, башкирами и казаками. Первоначально инженерную защиту форпостов составляли деревянные конструкции — надолбы (надолобы), предназначенные для противодействия конным подразделениям вероятного противника. Земляные укрепления — ров и вал — данные объекты получили после Пугачевского бунта 1774—1775 гг. на основе типового проекта по сооружению форпостов от Оренбургской инженерной команды. Основу конструкции форпоста составляло сомкнутое земляное укрепление — редут, образец передовой европейской фортификации без бастионов или плацформ. В центре земляной конструкции находилось помещение земляночного типа. Гарнизон форпостов — два-три десятка человек регулярной и нерегулярной команды, вооруженной на особо ответственных участках линии небольшим артиллерийским орудием (как правило, мортирой).

Сооружение форпоста Волковского, как и других подобных объектов, ознаменовало собой пик развития и становления Оренбургской линии, продолжавшегося до 1794 г., указанного Я. П. Гавердовским в «Примечаниях об Оренбургском крае» [2, л. 1 об.]. К этому времени заступили на «боевое дежурство» в составе линии 60 форпостов [24, л. 13—16]. Дата эта отмечена в силу того, что к этому году на Оренбургской линии выстроено максимальное количество фортификационных сооружений для ее прикрытия, проведена их частичная модернизация и опробованы все возможные способы обеспечения безопасности российских пределов. Дальнейшее развитие края и выполнение первоначальных целей Оренбургской экспедиции по развитию торговых отношений с государствами Средней Азии могло осуществиться только с применением более совершенной по конструкции фортификации и при условии более качественной организации службы на ней.

Список использованных источников и литературы

1. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа : Китап, 1997. 256 с.
2. Гавердовский Яков Петрович (1770/1773—1812). Примечания о рассмотрении Оренбургского края [Рукопись] : [писарский список], начало XIX в. 48 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 68. № 226.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. А—З. М. : Русский язык, 1978. 699 с.
4. Дегтярев К. А., Корусенко М. А., Герасимов Ю. В. Тарская дистанция Ново-Ишимской оборонительной линии: итоги комплексного исследования в 2021 г. // Археология Евразийских степей. 2023. № 6. С. 129—141. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.6.129.141.
5. Дубман Э. Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.
6. Жизнь и деятельность П. И. Рычкова. Т. 3 / сост. и отв. ред. Г. П. Матвиевская. Оренбург : Оренб. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2012. 584 с.
7. Кобзов В. С. Новая линия // Вестник Челябинского государственного университета. 1992. № 1 (3). С. 12—26.
8. Кобзов В. С. Южное порубежье Русского государства и Урал: преемственность и традиции // Военный научно-практический вестник. 2017. № 2 (7). С. 134—143.
9. Коршунова Н. В., Стромов П. А. Уйская укрепленная линия XVIII—XIX вв. по материалам полевых и архивных исследований // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 2 (30). С. 169—196. DOI: 10.46539/jfs.v8i2.406.
10. Кузнецов В. А. Оренбургские казаки на защите пограничной линии // Течет, течет река Миасс : литературно-краеведческий сб. Челябинск : Край Ра, 2017. Вып. 2. С. 87—104.
11. Курилов В. Н., Майничева А. Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2003. 96 с.
12. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1865. 1016 с.
13. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. Карты, планы и чертежи к 3 части. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1866. 74 л. ил., карт.
14. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1—12. Оренбург : Типо-лит. Б. А. Бреслина, 1903—1915.
15. Мауль В. Я. Крепости Оренбургской пограничной линии: строительство и судьба (по материалам Пугачевского бунта) // Сибирские строители: события и судьбы : сб. статей Всерос. науч. конф. Сургут, 2017. С. 351—361.
16. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 241 с.
17. Муратова С. Р., Тычинских З. А. Фортификационные особенности пограничных крепостей Урала и Западной Сибири XVIII в. // Проблемы востоковедения. 2017. № 3 (77). С. 33—38.
18. Муратова С. Р. Влияние западноевропейских традиций военного зодчества на развитие инженерных идей и форм фортификации на Урале и в Западной Сибири в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 168—174. DOI: 10.17223/15617793/429/21.
19. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 7. СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. № 4625. С. 398.
20. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 10. СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. № 7876. С. 867.
21. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 3Л. Оп. 23. Д. 916.
22. РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп. 23. Д. 971.
23. РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп. 25. Д. 1665.
24. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 113. Д. 1444.
25. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1449.
26. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1525.
27. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1891.
28. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19380.
29. Руже М. Ручной словарь для инженеров, заключающий в себе все части фортификации и иных наук, принадлежащих сему искусству, расположенный по алфавитному порядку русских букв. СПб. : Военная тип. Главного Штаба Его Императорского Величества, 1829. 336 с.
30. Русов Г. И. 1500 километров по следам истории // Уральский следопыт. 1982. № 2. С. 41—43.
31. Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург : Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.
32. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 года. Оренбург : Тип. В. Бреслина, 1887. 405 с.
33. Сафонов Д. А. Начало оренбургской истории. (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург : Оренбургская губерния, 2003. 92 с.
34. Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30—40-е гг. XVIII века. Самара : Самарский гос. ун-т, 1997. 190 с.

35. Стариков Ф. М. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург : Тип. В. Бреслина, 1891. 78 с.
36. Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург : Тип. В. Бреслина, 1891. 249 с.
37. Стромов П. А. «Забытый Урал — граница веков». Археологические реконструкции на Южном Урале // Военно-исторический журнал. 2022. № 4. С. 96—103.
38. Татауров Ф. С. Итоги полевых работ 2022 г. на Ирчинском и Нюхаловском форпостах Старо-Ишимской оборонительной линии // Сибирские формирования в военных конфликтах XVIII—XX вв. : материалы науч.-практ. конф. «Вторые Омские военно-исторические чтения» (Омск, 16—18 дек. 2022 г.) / отв. ред. В. А. Шудряков ; сост. О. А. Безродная, А. А. Тихонов. Омск : Образование Информ, 2023. С. 45—47.
39. Теляковский А. З. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. СПб. : Тип. И. И. Глазунова и К^о, 1848. 225 с.
40. Толковый словарь русского языка. Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель : АСТ, 2000. 720 с.
41. Толковый словарь русского языка. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель : АСТ, 2000. 752 с.
42. Тюрин А. М. Граница Оренбургского казачьего войска по реке Бердянка // Степи Северной Евразии : материалы VIII Междунар. симпозиума, Оренбург, 10—13 сент. 2018 г. Оренбург : Ин-т степи Уральского отделения Российской академии наук, 2018. С. 1002—1005.
43. Фомичев А. В. Фортификационные сооружения Новолинейного района на Востоке Оренбургской области // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 4 (24). С. 174—180.
44. Шемелина Д. С. Горькая оборонительная линия XVIII в.: «лаборатория» типового проектирования на сибирских рубежах // Баландинские чтения. 2014. Т. 9, № 2. С. 77—84.
45. Шемелина Д. С. Применение планировочной модели Вобана в проектах крепостей Иртышской оборонительной линии 1765 года // Баландинские чтения. 2017. Т. 12, № 1. С. 50—54.
46. Шемелина Д. С. Типовые проекты крепостей «европейского типа» для Восточной Сибири из инструкции 1760 г. графа П. И. Шувалова // Баландинские чтения. 2014. Т. 9, № 1. С. 94—102.
47. Шемелина Д. С. Неф-Бризаки: истоки, циркуляция и влияния планировочной модели в европейском военном градостроительстве // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2021. № 1 (16). С. 124—145.
48. Шперк В. Ф. Фортификационный словарь. М. : Военно-инженерная академия, 1946. 126 с.

References

1. Bukanova R. G. *Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII veke: Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii* [Fortress cities of southeast Russia in the 18th century: The history of towns formation on the territory of Bashkiria]. Ufa, Kitap Publ., 1997. 256 p. (In Russian)
2. Gaverdovskii Yakov Petrovich (1770/1773—1812). Primechaniya o rassmotrenii Orenburgskogo kraia (Rukopis'): (pisarskii spisok), nachalo XIX v. 48 l. [Gaverdovsky Yakov Petrovich (1770/1773—1812). Notes on the consideration of the Orenburg region (Manuscript), (Clerk's list), beginning of the 19th century. 48 sh.]. *Otd. rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscripts department of the Russian State Library]. F. 68. № 226. (In Russian)
3. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 1. A—Z* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Vol. 1. A—Z]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1978. 699 p. (In Russian)
4. Degtyarev K. A., Korusenko M. A., Gerasimov Yu. V. Tarskaya distantsiya Novo-Ishimskoi obronitel'noi linii: itogi kompleksnogo issledovaniya v 2021 g. [Tara Distance of the Novo-Ishim Defensive Line: results of the comprehensive study in 2021]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei — Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2023, no. 6, pp. 129—141. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.6.129.141. (In Russian)
5. Dubman E. L. *Novaya Zakamskaya liniya: sud'ba, proekt, stroitel'stvo. 2-e izd., ispr. i dop.* [New Zakamskaya (Trans-Kama) defensive line. Fate, design, construction. 2nd ed., rev. and add.]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2005. 196 p. (In Russian)
6. Matvievskaia G. P. (comp.) *Zhizn' i deyatel'nost' P. I. Rychkova. T. 3* [Life and work of P. I. Rychkov. Vol. 3]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo im. G. P. Donkovtseva Publ., 2012. 584 p. (In Russian)
7. Kobzov V. S. Novaya liniya [New line]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1992, no. 1 (3), pp. 12—26. (In Russian)
8. Kobzov V. S. Yuzhnoe porubezh'e Russkogo gosudarstva i Ural: preemstvennost' i traditsii [The southern border of the Russian state and the Urals: continuity and traditions]. *Voennyi nauchno-prakticheskii vestnik*, 2017, no. 2 (7), pp. 134—143. (In Russian)
9. Korshunova N. V., Stromov P. A. Uiskaya ukreplennaya liniya XVIII—XIX vv. po materialam polevykh i arkhivnykh issledovaniy [Uyskaya Fortification Line of the 18—19th centuries According to the Materials of Field and Archive Research]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy — Journal of Frontier Studies*, 2023, vol. 8, no. 2 (30), pp. 169—196. DOI: 10.46539/jfs.v8i2.406. (In Russian)

10. Kuznetsov V. A. Orenburgskie kazaki na zashchite pograničnoi linii [Orenburg Cossacks defending the border line]. *Techet, techet reka Miass: literaturno-kraevedcheskii sb.* [The Miass River flows, flows. Literary and local history collect.]. Chelyabinsk, Krai Ra Publ., 2017, is. 2, pp. 87—104. (In Russian)
11. Kurilov V. N., Mainicheva A. Yu. *Krepost' i khram: Tendentsii dvizheniya russkoi kul'tury v arkhitekturnom tvorchestve* [Fortress and temple: Trends in the movement of Russian culture in architectural creativity]. Novosibirsk, In-t arkhologii i etnografii SO RAN Publ., 2003. 96 p. (In Russian)
12. Laskovskii F. F. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. 3* [Materials for the history of engineering art in Russia. Part 3]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1865. 1016 p. (In Russian)
13. Laskovskii F. F. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. 3. Karty, plany i chertezhi k 3 chasti* [Materials for the history of engineering art in Russia. Part 3. Maps, plans and drawings for part 3]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1866. 74 sh. il., maps. (In Russian)
14. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniiu Orenburgskogo kazach'ego voiska. Vyp. 1—12* [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Vol. 1—12]. Orenburg, Tipolit. B. A. Breslina Publ., 1903—1915. (In Russian)
15. Maul' V. Ya. *Kreposti Orenburgskoi pograničnoi linii: stroitel'stvo i sud'ba (po materialam Pugachevskogo bunta)* [Fortresses of the Orenburg borderline: construction and fate (based on materials on the Pugachev rebellion)]. *Sibirskie stroiteli: sobytiya i sud'by: sbornik statei Vseros. nauch. konf.* [Siberian builders: events and fate. Proceed. of the All-Russia sci. conf.]. Surgut, 2017, pp. 351—361. (In Russian)
16. Muratova S. R. *Sibirskie ukreplennye linii XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Siberian fortified lines of the 18th century. Cand. Dis.]. Ufa, 2007. 241 p. (In Russian)
17. Muratova S. R., Tychinskikh Z. A. *Fortifikatsionnye osobennosti pograničnykh krepostei Urala i Zapadnoi Sibiri XVIII v.* [Fortification Peculiarities of Frontier Fortresses in the Urals and Western Siberia in the 18th Century]. *Problemy vostokovedeniya — The Problems of Oriental Studies*, 2017, no. 3 (77), pp. 33—38. (In Russian)
18. Muratova S. R. *Vliyanie zapadnoevropeiskikh traditsii voennogo zodchestva na razvitie inzhenernykh idei i form fortifikatsii na Urale i v Zapadnoi Sibiri v XVIII v.* [Influence of the West European traditions of military architecture on the development of engineering ideas and fortification forms in the Urals and Western Siberia in the 18th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2018, no. 429, pp. 168—174. DOI: 10.17223/15617793/429/21. (In Russian)
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] (PSZRI). Coll. 1. Vol. 7. St. Petersburg, Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e.i.v. kantselyarii Publ., 1830, no. 4625, pp. 398. (In Russian)
20. PSZRI. Coll. 1. Vol. 10. St. Petersburg, Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e.i.v. kantselyarii Publ., 1830, no. 7876, pp. 867. (In Russian)
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voенno-Morskogo Flota* [Russian State Archive of the Navy] (RGAVMF). F. 3L. Op. 23. D. 916.
22. RGAVMF. F. 3L. Op. 23. D. 971.
23. RGAVMF. F. 3L. Op. 25. D. 1665.
24. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 248. Op. 113. D. 1444.
25. RGADA. F. 248. Op. 113. D. 1449.
26. RGADA. F. 248. Op. 113. D. 1525.
27. RGADA. F. 248. Op. 160. D. 1891.
28. *Rossiiskii gosudarstvennyi voенno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. 846. Op. 16. D. 19380.
29. Ruzhe M. *Ruchnoi slovar' dlya inzhenerov, zaklyuchayushchii v sebe vse chasti fortifikatsii i inykh nauk, prinaldzhashchikh semu iskusstvu, raspolozhennyi po alfavitnomu poryadku russkikh buk* [A manual dictionary for engineers, containing all parts of fortification and other sciences belonging to this art, arranged in alphabetical order of Russian letters]. St. Petersburg, Voennaya tip. Glavnogo Shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva Publ., 1829. 336 p. (In Russian)
30. Rusov G. I. *1500 kilometrov po sledam istorii* [1500 kilometers in the footsteps of history]. *Ural'skii sledopyt*, 1982, no. 2, pp. 41—43. (In Russian)
31. Rychkov P. I. *Istoriya Orenburgskaya (1730—1750)* [History of Orenburg (1730—1750)]. Orenburg, Tip. I. I. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1896. 95 p. (In Russian)
32. Rychkov P. I. *Topografiya Orenburgskoi gubernii. Sochinenie P. I. Rychkova 1762 goda* [Topography of the Orenburg province. Work by P. I. Rychkov 1762]. Orenburg, Tip. V. Breslina Publ., 1887. 405 p. (In Russian)
33. Safonov D. A. *Nachalo orenburgskoi istorii. (Sozdanie Orenburgskoi gubernii v seredine XVIII veka)* [The beginning of Orenburg history. (Creation of the Orenburg province in the middle of the 18th century)]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 2003. 92 p. (In Russian)

34. Smirnov Yu. N. *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30—40-e gg. XVIII veka* [Orenburg expedition (commission) and the annexation of the Volga region to Russia in the 30—40s XVIII century]. Samara, Samarskii gos. un-t Publ., 1997. 190 p. (In Russian)
35. Starikov F. M. *Istoricheskii ocherk prisoedineniya k Rossii Orenburgskogo kraia i uchastiya v etom mestnogo kazachestva* [Historical sketch of the annexation of the Orenburg region to Russia and the participation of the local Cossacks in this]. Orenburg, Tip. V. Breslina Publ., 1891. 78 p. (In Russian)
36. Starikov F. M. *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska* [Historical and statistical essay of the Orenburg Cossack army]. Orenburg, Tip. V. Breslina Publ., 1891. 249 p. (In Russian)
37. Stromov P. A. “Zabytyi Ural — granitsa vekov”. *Arkheologicheskie rekonstruktsii na Yuzhnom Urale* [“The Forgotten Urals — the Boundary of Centuries”. Archaeological reconstructions in the Southern Urals]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 96—103. (In Russian)
38. Tataurov F. S. Itogi polevykh rabot 2022 g. na Irchinskom i Nyukhalovskom forpostakh Staro-Ishimskoi oboronitel'noi linii [Results of field work in 2022 at the Irchinsky and Nyukhalovsky outposts of the Staro-Ishim defensive line]. *Sibirskie formirovaniya v voennykh konfliktakh XVIII—XX vv.: materialy nauch.-prakt. konf. “Vtorye Omskie voенно-istoricheskie chteniya” (Omsk, 16—18 dek. 2022 g.)* [Siberian formations in military conflicts of the 18—20th centuries. Proceed. of sci.-pract. conf. “Second Omsk military-historical readings” (Omsk, Dec. 16—18, 2022)]. Omsk, Obrazovanie Inform Publ., 2023, pp. 45—47. (In Russian)
39. Telyakovskii A. Z. *Fortifikatsiya. Chast' pervaya. Polevaya fortifikatsiya* [Fortification. Part one. Field fortification]. St. Petersburg, Tip. I. I. Glazunova i Ko Publ., 1848. 225 p. (In Russian)
40. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 3]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2000. 720 p. (In Russian)
41. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 4* [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2000. 752 p. (In Russian)
42. Tyurin A. M. Granitsa Orenburgskogo kazach'ego voiska po reke Berdyanka [Border of the Orenburg Cossack army along the Berdyanka River]. *Stepi Severnoi Evrazii: materialy VIII Mezhdunar. simpoziuma, Orenburg, 10—13 sent. 2018 g.* [Steppes of Northern Eurasia. Proceed. of the VIII Internat. Symposium, Orenburg, Sept. 10—13, 2018]. Orenburg, In-t stepi Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2018, pp. 1002—1005. (In Russian)
43. Fomichev A. V. Fortifikatsionnye sooruzheniya Novolineinogo raiona na Vostoke Orenburgskoi oblasti [Fortifications of the Novolineiny district in the East of the Orenburg region]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy — Theory and Practice of Archaeological Research*, 2018, no. 4 (24), pp. 174—180. (In Russian)
44. Shemelina D. S. Gor'kaya oboronitel'naya liniya XVIII v.: “laboratoriya” tipovogo proektirovaniya na sibirskikh rubezhakh [Gorky defensive line of the 18th century: a “laboratory” of standard design on the Siberian borders]. *Balandinskie chteniya* [Balandin Readings], 2014, vol. 9, no. 2, pp. 77—84. (In Russian)
45. Shemelina D. S. Primenenie planirovochnoi modeli Vobana v proektakh krepostei Irtyshskoi oboronitel'noi linii 1765 goda [Application of Vauban's planning model in the projects of fortresses of the Irtysh defensive line in 1765]. *Balandinskie chteniya* [Balandin Readings], 2017, vol. 12, no. 1, pp. 50—54. (In Russian)
46. Shemelina D. S. Tipovye proekty krepostei “evropeiskogo tipa” dlya Vostochnoi Sibiri iz instruksii 1760 g. grafa P. I. Shuvalova [Typical designs of “European-type” fortresses for Eastern Siberia from the instructions of 1760 by Count P. I. Shuvalov]. *Balandinskie chteniya* [Balandin Readings], 2014, vol. 9, no. 1, pp. 94—102. (In Russian)
47. Shemelina D. S. Nef-Brizak: istoki, tsirkulyatsiya i vliyaniya planirovochnoi modeli v evropeiskom voennom gradostroitel'stve [Neuf-Brisach: origins, circulation and influences of the planning model in the European military urbanism]. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*, 2021, no. 1 (16), pp. 124—145. (In Russian)
48. Shperk V. F. *Fortifikatsionnyi slovar'* [Fortification dictionary]. Moscow, Voенно-inzhenernaya akademiya Publ., 1946. 126 p. (In Russian)

Информация об авторе

П. А. Стромов — преподаватель-исследователь

Information about the author

P. A. Stromov — High-Research Teacher

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2024;
принята к публикации 20.05.2024

The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 07.02.2024;
accepted for publication 20.05.2024